

С 80
Р32938.

РАДУЛЕ СТИИЕНСКИЙ

**СЛУЖСКАЯ
КРЕПОСТЬ**

МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ
1944

РАДУЛЕ СТИЊЕНСКИЋ

СПУЖСКАЯ КРЕПОСТЬ

ПОЭМА
В ШЕСТИ ПЕСНЯХ

*Перевод с сербского
Арсения Тарковского*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
"МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
1 · 9 · 4 · 4

88038

Редактор Б. Евгеньев

Обложка, титул, орнаментация книги работы художн. Н. Хмелевской

*Подписано к печати 17 мая
Л52 336 2 печ. л. 2,8 уч.-изд. л.
53 000 зн. в печ. л. Заказ 596.
Тираж 25 000. Цена 2 руб.*

*Ф-ка юнош. книги изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, ул. Фридриха
Энгельса, 46.*

ВСТУПЛЕНИЕ

Матушка моя, надежда,
Черногория — отрада,
Черногория родная,
Горе ты мое и счастье!

Ты — как плод садов приморских
Для томящегося жаждой:
Сладостна, и благодатна,
И горька твоя прохлада.

Ты меня для вольной воли
Молоком святым вскормила,
Враг мой тугие жилы
Переполнил жгучей желчью.

Хорошо еще, что в сердце,
Проклинающем и гневном,
Бьется, как в горящей клетке
Сирая кукушка, песня.

Мечется, и повторяет
Стародавние заклятья,
И взывает к белорукой,
Белокрылой горной виле:

«Ой, Загоркиня, ой, вила,
Ты — владычица просторов,
Ты летаешь над горами, —
Принеси поэту гусли!

Из твоих туманов сизых
Видишь, как смертельно страждет
Мать-земля в горючих ранах, —
Принеси поэту гусли!

Пусть над планинами грянет
Струнный гром, и вскрикнет эхо,
И леса твои качнутся, —
Принеси поэту гусли!

Дай ему созвать юнаков,
Партизан непобедимых,
Да идут они на юрищ, —
Принеси поэту гусли!

В коло ринутся славяне,
И омоется отчизна
Чистой утренней росой, —
Принеси поэту гусли!»

Так я шел, глотая слезы,
И, услышав песню эту,
Брату вила молодая
Отвечала издалека:

«Золотые перья молний
Я схвачу рукою белой,
Будет речь твоя подобна
Гулким громовым раскатам.

Пой о том, как сотрясает
Ветер вековые сосны,
Как выходят из пещеры
Черногорские гайдуки.

Релья, Марко и Неманя
Им клинки свои вручают,
И на страждущую землю
Вражья кровь, как ливень, хлещет

Я гайдукам черногорским
Зоркость сокола дарую,
Силу бурого медведя,
Храбрость льва и чуткость рыси.

А тебе дарую гусли:
Пой о родине, о мести,
Громче пой, чтоб эта песня
Яты повела на битвы!»

Вила так проговорила
И растаяла в тумане,
Только в небе на мгновенье
Луч серебряный остался, —

Словно это крылья вилы,
Трепетное покрывало,
Обещание свиданья
Там, за синими горами.

Принял я подарок сестрин,
И помчались быстрой стаей
По струне гудящих гуслей
Пробудившиеся пальцы.

Вы послушайте гусяра,
Братья, воины свободы,
Он споет вам перед боем
Песню о народной мести!

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

Если ранен юнак несмертельно,
Исцелят пылающую рану
Травы и оливковое масло.

Если ранено сердце любовью,
Год пройдет или жизнь, а все же
Исцелится страдающее сердце.

Холод времени веет над нами,
Все остынет, утихнет, умчится...

Волны бьют о прибрежные скалы, —
Станут скалы песком да щебнем;
Облака лебяжьи летят по ветру, —
На ветру облака истают;
Плотник строит терем высокий, —
Червь подточит дубовые стены.

Но святая борьба за свободу
Крепче скал, облаков превыше.
Забудет плотник свой терем светлый
Ради бранной ее тревоги,
Ибо время над нею невластно.
И доколе гайдуцкое сердце,
Словно молот, стучит и доколе

Мечь жива и любовь не померкла,
Будет биться народ за свободу.

Как лицо подымает к солнцу
Приморская благоуханная роза,
Так свой взор устремляет к свободе
Верный сын земли оскорбленной,
Так славяне сердца устремляют
К негасимой священной мести.
Ей нельзя преградить дорогу,
Как нельзя приказать Ядрану
В бурю застыть недвижимо,
Как нельзя это брезжущее утро
Превратить в отпылавший вечер,
Как нельзя приневолить юнака
От любимой родины отречься.

Волны, словно ягнята, играют,
Мчится белая пена к Ядрану,
И звенят колокольчики Морачи,
Полноводной реки черногорской.
Дикий лес без конца, без края
На высоком берегу темнеет;
На опушке тропинок не видно;
Мнится — только птицы и звери
В заповедной чаще ютятся
Да еще пересмешницы-вилы
Хороводят в зеленом лабиринте.

Вьется желтыми лентами пламя,
Разгорается сухой валежник;
У костра лесного партизаны,
Пиперы — отважные гайдуки,
Развернули трофейные палатки.

Ходит ветер, листву задевая,
Что-то на ухо шепчет дозорным,
А в палатках воители седые
О грядущих сражениях толкуют;
Усачи, испытанные в битвах,
Джефердары и пистолы чистят;
Молодые гайдуки на поляне
Соревнуются в ловкости и силе;
Водят колю девушки поодаль,
Распевая воинственные песни,
И зовут эти страстные песни
К лютой мести проклятым душманам,
Потоптавшим священные земли.

Слушал звонкие возгласы девичьи,
Любовался гайдуками своими
Седоусый Вуйо Обренович,
Старый пипер, орел горбоносый,
Предводитель юнацкого стана.
Как ширококрылые бури,
Пролетели над воином годы,
Опалили коричневые щеки,
Лоб морщинами избороздили.
Был подобен могучему дубу,
Окруженному порослью зеленой,
Этот старец, гайдуками окруженный, —
Так же думал высокую думу,
Так же был спокоен и важен.

В это утро в лагерь возвратился
Партизан по имени Павел.
Тридцать лет ему отроду было,
А по виду — без малого сорок.
Исхудал он, осунулся в скитаньях
По горам и разрушенным селеньям;
Собирал он деньги для ята,
Золотые, старинные дукаты,

Серебро и медную мелочь.
Ничего не жалели черногорцы,
Загнанные в погреба врагами,
Отдавали последнее именье
Ради вольности всенародной.

СТАРЬИ ВУЙО:

Расскажи: что ты видел в селеньях,
В городах земли черногорской,
Много денег собрал или мало?

ПАВЕЛ:

Со своею милой подругой,
Голубицей моей Бояной,
Обошел я пленную землю,
Укрываясь в кустах и канавах
От чернорубашечников и швабов,
Как приказано было тобою.
Видел я кладбища немые,
Что когда-то были городами,
Видел наши сожженные селенья,
Видел наши израненные горы.

Словно Лазарь из темного склепа,
Подымались, глаза прикрывая,
Люди из погребов и подвалов.
Повсеместно меня и Бояну
Черногорцы встречали с почетом,
Приносили все, что дотоле
Хоронили в земле да под камнями, —
Пары, левы, дукаты приносили.
Золотой и серебряной монеты
Два мешка мы вдвоем насобирали.
Всюду были мы с Бояной вместе,
И, когда она почивала,
Я не спал, казну охраняя.
Я ли кратким сном забывался, —

Бояна мешки сторожила.
Добрались мы до широкой Зеты,
А на Зете гром внезапный грянул.
Горе мне, ой, горе мне, горе!
Лучше б сам я погиб на Зете!

Заплакал Павел, как малый ребенок;
По его исхудавшим ланитам,
По усам его заструились
Слезы, крупные, как брусника,
Плечи затряслись и согнулись.

СТАРЫЙ ВУЙО:

Что ты плачешь, словно ты не пипер,
А турецкая була из гарема?
Разве черногорцу подобает
Слезы лить, что бы там ни случилось?
Здесь кругом твои сестры и братья —
Свет и сила родимого края.
Нет, не слез они ждут от юнака!
Зачем же ты плачешь? Что с тобою?
Почему Бояна не вернулась?
Где мешки с достояньем народным?

ПАВЕЛ:

Утоңуло народное достоянье,
Утоңула Бояна дорогая!
Не кори меня, Вуйо, не мучай, —
Все ты видишь, все разумеешь,
Только сердца моего не видишь:
Горе сердце мое разрывает.
Как дошли мы с Бояной до Зеты,
Семь жандармов на берег вышло;
Как сядились мы в лодку рыбацью,
Семь винтовок на солнце блеснуло;
Как мы выгребли на стремнину,
Шесть проклятых пуль просвистело,

Просвистело, мимо пролетело,
А седьмая ранила Бояну,
И она весло уронила,
Взмахнула руками, покачнулась,
Точно горлица простонала,
И упала. Ой, горе мне, горе!
На мгновенье в водовороте
Белый край одежды показался.
Накренилась лодка, воды зачерпнула.
И сватились мешки со скамейки.
Я нырял, и в меня стреляли,
Но не мог я найти Бояну.
Пропали народные деньги,
Унесли их вилы-водяницы.

ГЕЛОСА:

— Беда, беда! Утонула Бояна!
— Столько денег пропало понапрасну!

СТАРЫЙ ВУЙО:

Слезы лить — не подстать гайдуку!
Пусть он будет кремню подобен.
От сухого кремня — сухая искра,
Сухая искра — жаркое пламя!..
Ты вернешь народное богатство,
Отомстишь по-юнацки за Бояну!
Десять воинов бери с собою,
Напой недолю вражьей кровью,
Возвращайся к пиперам с победой.

ПАВЕЛ:

Мать-земля! Ты хранишь в заповедных недрах
Прах могучих пращуров наших,
Словно порох в железных скрынях.
Запевают горы твои, как трубы,
И гудят, как бубны, равнины —
К беспощадной мести зывают.

Буду мстить за Бояну до гроба!
Не стыжусь я, Вуйо Обренович,
Пред тобой и пред народом плакать.
Положи мне, Вуйо, на сердце
Руку свою — ты отдернешь руку:
Сердце стало жарче жаровни,
В нем отвага юнацкая пылает!
Кто из братьев моих черногорцев
Пойдет под мое начало?

ГОЛОСА:

- Я пойду под твое начало!
- Удостою и меня этой чести!
- Разреши мне идти за тобою!

ПАВЕЛ:

Кто из вас присягает мне первым?

МИРКО:

Я клянусь оружием юнацким
Мстить врагу до последней кровинки,
И пока громовитые гусли
Не прославят полную победу,
Буду я, партизан черногорский,
Не на жизнь, а на смерть сражаться,
Не сложу оружия, не выйду
Из могучего Павлова ята.
Ем на этом черную землю, —
Слово крепко, земля священна.

ПАВЕЛ:

Аль тебе по шестнадцатому году
Можно добрый джефердар доверить?
Не возьму я с собой недоростка.
Надо настоящему юнаку
Сильным быть, как медведь балканский,

Быстрым, точно легкая серна,
Чтоб настигнуть бегущего душмана
И, схватив, раздавить ему ребра;
Должен в битве юнак настоящий
В одиночку с пятерыми сладить.
Ты прости меня, Мирко, на слове,
Не возьму я тебя с собою.

ВУЙО ОБРЕНОВИЧ:

Мне господь ниспослал долголетье.
Сколько лет я прожил, не помню —
Сто, сто десять или сто двадцать.
Жизнь я прожил, а грамоте не знаю;
Не прочел я ни единой книги,
Ни печатной, ни рукописной,
А прочел великую книгу
Светлых лет и темных лихолетий.
Был я молод, рубился по-юнацки
За свою дорогую отчизну.
Помню — в горы хлынули душманы,
Словно волны речные в половодье,
Затопили дороги да тропинки,
И тяжелые копья застучали
В наши двери — и упали двери.

Но тогда все отечество наше
От границы до границы встало.
Кровь струилась, и длилась битва,
Рядом бились и малый и старый, —
Одолели врага черногорцы.

Снова слышу медные призывы,
Кличет в битву колокол свободы, —
Отчий край сынов созывает
Под свою высокую руку.

Не отвергни моего совета
В черный день всенародного горя.
Хочет Мирко итти за тобою —
Не препятствуй чистому стремленью.
Видят родины красную рану
Очи старцев и очи подростков.

ПАВЕЛ:

Вуйо прав, будь со мною, Мирко.
Не могу я лишить тебя счастья
Пасть в сраженьи за нашу отчизну!
И доколе огнища родовые
В хижинах пиперов не загорятся,
И доколе певучие тусли
Не восславят последнюю победу, —
Кровь за кровь и пламя за пламя,
Смерть за смерть и пепел за пепел!..

ПЕСНЯ ВТОРАЯ

земля родная, адамант мой чистый,
Ты в небесных радугах, ты сияешь
Ста лучами сквозь жгучие слезы
Для того, кто каждой кровинкой,
Каждым помыслом связан с тобою.
Черногория — светлое имя,

Дивный звук, словно пение моря,
Словно голос блаженной двойницы,
Утешение верного слуха,
Близость пастбищ обетованных!..

Ночь на склонах горных почитет;
Красный месяц из-за гор выходит
И бледнеет над склонами крутыми,
В водах Зеты дробясь и отражаясь.
Сходят двое к реке полунощной
На песок, наглаженный волною,
Рыбачью отвязывают лодку.

Смоляными девичьими бровями
Разлетелись упругие весла,
И помчалась лодка по теченью,
Обгоняя и волны и ветер.
В ясном небе звезды блестели,
Как медали серебряные и золотые.
Павел Вдовый греб, а Мирко правил,
И летела послушная лодка
Мимо скал островерхих,
Мимо непокоренных утесов,
Мимо древних твердынь черногорских.
В старых башнях филины стонали,
Ветер гнезвился,
Кружились летучие мыши,
Приглушенными голосами
Стража вражеская перекликалась.

И печальное Павлово сердце
Напряглось, как струна, и касались
Пальцы матери-Сербодии
Сердца, ставшего чуткой струною.

ПЕСНЯ:

Что мне делать с печалью моей?
Я в неволе проплакала очи мои.
Напой,
Напой меня мезтью, мой сын. Что мне с горем,
Что мне делать с печалью моей?
Морем горе мое разлилось, а над морем,

Над померкшею далью свинцовые тучи идут.
Льют седые дожди,
Бьет о стены темницы волна.
Что мне делать в неволе с печалью моей?
О, приди, о, разбей эти стены,
Возврати мне свободы моей времена!
Слепнут в долгие ночи от соли глубокие очи мои.
Что мне делать с печалью моей?

«Кто на Зете?» кричали часовые.
Отвечало эхо: «Кто на Зете?»
И забился пулемет на башне,
Зажужжали пули, словно шершни,
И ночную Зету крест-накрест,
В воду шлепаясь, перечертили.
Пронесло течение лодку
Мимо вражеских гарнизонов.

Над рекою туманы засинели,
Сыростью повеяло над Зетой.

Жар мгновенный и мгновенный холод
Павла мучили попеременно;
Пред его ослабевшими глазами
Преобразились вода и небо;
Новым, неуловимым смыслом
Мир наполнился. Все изменилось.
Завладела Павлом лихорадка,
Задрожал он от лютой трясовицы,
И глаза его полузакрылись,
И уста его разомкнулись.
Павел Вдовый на Зете в тумане
Начал бредить, смертельно тоскуя.

ПАВЕЛ:

Прежде, Мирко, мы пиперами были,
А теперь лешкопольцами стали.

Наш родитель — румяное солнце,
Покровитель погибших поколений.
Мы стучимся в каменные плиты,
А ведь это — кованые латы.
Слышишь, как дозорные бранятся,
Охраняя совиную башню?
Руки просят вражеского сердца.
Нет страшнее мести черногорца,
И на дно глубокого Ядрана
Он сойдет, чтоб отыскать душмана.
На вершинах горных будут биться
За свободу мстители-юнаки.
В черный Рим палач не возвратится,
До границы шваб не доберется.
Если в тучах скрыться враг захочет,
Мы за ним подыдемся на тучи.
Вырастают крылья за плечами,
Телу больно, высока дорога.
Матушка моя, я слышу, слышу,
Протяни мне прохладные ладони!..

МИРКО:

Ты в жару, ты болен, ты бредишь, Павел!
Возвратимся, пока не поздно,
Ято тебя ожидает.

«Здесь! — промолвил Павел, указуя
В разбегающуюся воду. —
Здесь Бояна моя утонула!»
В воду бросился Мирко, и волны были
Молока парного теплее,
А на дне, озаренном луною,
Камни и раковины мерцали,
Колыхались водоросли; метнулись
В стороны испуганные рыбы.
Но Бояны Мирко не увидел
На песке подводном и вскоре

В лодку влез задыхаясь. А Павел,
Как безумный, смеялся тихонько,
Все указывал в воду рукою.

ПАВЕЛ:

Здесь богатство наше утонуло!

С лодки бросился Мирко вторично
В теплые воды речные, —
Клад народный искал под водою.
И на дне только раковины да камни
В струях чистых при месяце блестели.

Не отыщешь погибшего богатства,
Не достанешь подводного клада.
Видно, Павел Вдовый помешался,
Все запомятовал, перепутал, —
Нет ни клада, ни мертвого тела.

Павел сел на корму, а весла
Мирко взял в молодые руки.
Вниз по Зете лодка скользнула,
Только белые брызги полетели.

И глядел неподвижными глазами
На утесы прибрежные Павел.

По реке водяница распустила
Длинные серебряные косы.
Лодку быстрые волны подхватили,
Понесли ее прямо к Мораче.

Под холодным лунным опалом
Тают на Зете туманы,
Облака покидают небо.
Робкие Влашичи мерцают,
В лунном свете лежат, как на ладони,
Гладь речная, левады и горы.

В тихую предутреннюю воду
Бледнолицая звезда Денница,
Словно в зеркало, смотрит.

Вдовый Павел болен трясовицей,
Обеспамятел и не слышит,
Как его подымает Мирко,
Как выносит на берег высокий.

Пышут жаром Павловы щеки,
Словно печи в холодную погоду.
Бредит Павел — и все невнятной,
Все безумней речи больного.
На плечах несет его Мирко —
От реки, от сырости подальше,
Вверх, туда, где душистое сено,
Где ручей напевает, как прялка,
Где кусты шершавой малины
Разрослись, не встречая преграды...

Мирко ношу свою опускает
На приютные травы,
Над больным наклоняется, внемля
Еле слышной сбивчивой речи.

ПАВЕЛ:

Ходит вила, ходит водяница
По зыбучему зеркалу Зеты,
Ходит вила, Бояну выводит,
А Бояна кличет на помощь.
Вила, вила, отдай мне беглянку!
Ты, Бояна, выйди на полянку!
Дай мне руку, обопрись о корень,
Ты спаслась, ты не утонешь больше!
Снова солнце над нами сияет,
В двери сердца стучится радости!

На рассвете Павел снова забылся,
Задремал и Мирко подле Павла.

Солнце волосы их золотило,
Осушало росу на листьях,
Снежные румянило вершины.
Ранним утром по медвяным травам
Проходила Илька-лешкополька,
Молодая смуглая рыбачка,
Стройная, пригожая девица;
С плеч ее не шелка ниспадали —
Полотняная белая халтина
Нежное окутывала тело,
И монисто ее простое,
Словно капли дождя, звенело.
На плечах девичьих колыхались
Узкогорлые медные кувшины.

Вдруг остановилась лешкополька,
Удивленно вскинула брови:
Видит, на траве у малины
Спят захожие незнакомцы.
Там, налево, — тот, что постарше,
Чьи усы, как черные овцы,
Чьи землистые щеки небриты,
Чьи крутые длинные брови —
Как шнуры из черного шелка.
А направо — другой, помоложе,
Светловолосый, в опанках рваных,
Лет пятнадцати или поменьше,
Спит, свернувшись, как малый ребенок.

К незнакомцам подошла бесстрашно
Илька, молодая лешкополька,
В двух шагах от них остановилась,
С плеч сняла тяжелые кувшины.

ПАВЕЛ:

Не таись, Бояна, предо мною:
Расскажи мне, как вынесла деньги,

Как ты вышла из объятий Зеты?
Все не то, Бояна, ты мне шепчешь
Этими холодными губами.
Могут ли на дне лежать дукаты,
Левами играть на дне песчаном
В чет и нечет вилы-водяницы,
Если оба мешка с тобою?
Нет, не так, я снова ошибаюсь:
Жизнь — богатство, жизнь, а не дукаты,
Мсть — богатство, мсть и наша ярость...
Подойди же, наклонись, Бояна,
Дай воды хоть глоток, хоть каплю,
Видишь, губы запеклись от жажды,
Горло мое пересохло...

Эти речи услышала Илька,
Подала ему воду в кувшине,
И, очнувшись от холода меди,
Павел водой ледяною
Освежил запекшиеся губы
И взглянул затуманенными глазами
На ручей, на Ильку, на небо.
Новый день был над Зета-Рашкой,
И со звоном катилось по лазури
Колесо стремительного солнца.

ПАВЕЛ:

Я не понимаю, что со мною...
Мирко, Мирко, проснись же скорее!

МИРКО

(трет глаза, пробуждаясь):

Что случилось?

ПАВЕЛ:

Взгляни — вот Бояна!
Вот Бояна моя дорогая!

МИРКО:

Ты всю ночь, до рассвета бредил,
Ты всю ночь говорил с Бояной.
Эту девушку я не знаю.

ИЛЬКА:

Отвечайте, что вам здесь нужно?
Как вы здесь очутились? Кто вы?

ПАВЕЛ:

Водяница, моя посестрима,
В изумрудных кольцах и запястьях,
Вывела ночью меня и Мирко
На этот скалистый берег.

ИЛЬКА:

Я по вашим речам догадалась,
Что тоскуете вы о какой-то
Утонувшей в реке Бояне.

ПАВЕЛ

(приподымаясь на локте):

Что со мною? Ужели навеки
Потерял я мой светлый разум?
Ясно я перед собою видел
Незабвенную мою Бояну,
А теперь она обернулась
Незнакомой, несущей кувшины.
Кто ты, девушка? Как твое имя?

ИЛЬКА:

Бредил ты, и правдою чистой
Каждое слово твое дышало,
А сейчас ты со мною лукавишь.
Ты обманщик, и я тебе не верю!..
Ох, постойте, я знаю, вы — усташа,

И лежит на вас печать измены...
Вы пришли за братом. Что мне делать?
Мой народ из-за вас томится.
Видя ваши черные деянья,
Даже горы от ужаса трясутся.
Запугать вам меня не удастся:
Я — бесстрашная, я — черногорка.

МИРКО

(шепчет Павлу, чтобы Илька не слышала):

Убежим отсюда скорее:
Ты не знаешь, кто она такая,
Может быть, эта девушка служит
Итальянцам и швабам окаянным.

ПАВЕЛ:

Погоди, не пристало юнаку
Каждой встречной девушки бояться.
По речам и по голосу распознаешь
Настоящую черногорку.
Черногорки правдивы и отважны,
Крепко любят, крепко ненавидят,
Лжи не терпят, обмана не выносят,
Знают цену непреклонной мести.

ИЛЬКА:

Что ты хочешь от меня, разбойник?
Говори: ты кто и откуда?
Почему ты пришел с винтовкой?
Брата поджидаешь — сознавайся.
Поджидаешь брата, предатель?

ПАВЕЛ:

Спрячь свой нож — ты не им, а словом
Партизану обиду наносишь.
Я клянусь тебе именем отчизны,
Брата твоего мы не обидим.

Верь мне, верь, я — Павел Драгутинич,
Я — начальник партизанского ята.

ИЛЬКА:

Будь, что будет, идите за мною,
Я сейчас отведу вас к брату.

Мирко взял у Павла винтовку
И помог ему приподняться.

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

И переплетенные хмелем зеленым,
Косы буйные разметались,
На лету за плечами вьется
Розовое покрывало.

Молодая весна прилетела,
Растопила снег потемневший,
И взглянуло высокое солнце
На просторную вешнюю долину,
Где лежала, как пояс великана,
Извиваясь между берегами,
Широкая Зета,
А вдали, отсвечивая синим,
Яркой сталью Морача блистала.

Пели птицы, и всходили травы,
Как в былые, мирные годы,
Но и травам, и птицам, и людям
Нехватало свободы.

Вслед за Илькой-лешкополькой в гору
Подымались Павел и Мирко
По крутой каменистой дороге,
По ступеням, высеченным в скалах.

Илька вышитыми рукавами,
Словно крыльями ласточка, взмахнула,
К хижине своей побежала.
Партизаны Павел и Мирко
Дождаться ее остались.
Поглядели с горы — увидали
Колдовские албанские горы.
На стрельчатых вершинах, как сахар,
Лед лежал, снег белел искрометный.
Дикие волны Ядранского моря
Колыхались у горных подножий.
Как живое, море дышало,
Говорило с клокастыми облаками
На своем наречии трубном
И, шипя, как турецкое мыло,
Обдавало камни побережья...

Павел Вдовый сидел неподвижно,
Пел негромко Мирко-Недоросток.

ПЕСНЯ,

которую пел Мирко, глядя на Ядран с горы:

Где ты, дивное наследство
Милой родины моей,
Золотой кораблик детства
В тихих водах ясных дней?

Где гнездовье сербской славы,
Дом высокий на горе,
Виноградник мой кудрявый,
Весь в росе, как в серебре?

Где под сень листвы зовущий
Смутный звон бегущих струй?
Где же ты на сон грядущий
Материнский поцелуй?

Где ты, школьный сад в ограде,
Где кленовая скамья,
Синие мои тетради,
Книга первая моя?

В наше белое жилище
Гость непрошенный вступил,
Негасимое огнище
Кровью родины залил.

Нет родимого селенья,
Счастья нет, и детства нет.
Так пришел мой день рожденья, —
Стало мне двенадцать лет.

Власяницей наше небо
Обернулось надо мной;
Глину ел я вместо хлеба,
Белый свет мне был тюрьмой.

Я скрывался на потостах,
Не глядел, как дни текли,
Слабый телом недоросток,
Сын замученной земли.

Партизаны подобрали
Ночью темною меня,
Дали гунь, винтовку дали,
Обогрели у огня.

Телом слаб, но крепок духом,
Я незрим в полночной мгле,

Я приникну чутким ухом
К нашей каменной земле.

Вражью поступь угадаю,
Дам приблизиться врагу...
Я гайдук, я твердо знаю:
Промахнуться не могу!

В дом родимый Илька постучалась.
Жарко в доме огнище горело,
У огнища просыхали верши.
Илькин брат, лешкополец Вучур,
У огня чинил свои сети.

ВУЧУР:

Ты все утро пропадала, Илька.
Где была, что делала, сестрица?
Говорила с подружками своими,
Луговые цветы собирала,
Невод ли закидывала в реку —
Красноперую форель ловила,
Или просто на солнышке грелась?

ИЛЬКА:

Милый Вучур, не кори сестрицу, —
Я подружек милых не видала,
Луговых цветов не собирала,
Не ловила на реке форели.
Повстречала я двоих прохожих,
И один, по имени Павел,
Худ и бледен, и непонятно —
Кто он родом, о чем он толкует,
Все Бояну какую-то кличет.
А другой — подросток... Но только
У обоих винтовки за плечами.
Выйди, Вучур, они на дороге.

ВУЧУР:

Что ты, Илька, делаешь со мною?
Разве мало я видел несчастья?
Разве я в темнице у фашистов
Не томился целую неделю?
Неужели тебе захотелось,
Чтобы снова попал я в неволю?
Что — когда твои знакомцы
Из породы недичевых гончих:
По дорогам рыщут, мол, чем тут пахнет.
Острой саблей зарублю обоих!
А быть может, я обманулся?
Ой, хитришь, сестрица, со мною!
Уж не сватать ли милую невесту
Собираются эти знакомцы?
Только нынче не такое время,
Чтобы думать о веселых свадьбах.

ИЛЬКА:

Мой любимый спит в могиле тесной,
Улетела юность в непогоду
Белым пухом, тополевым цветом.
Наступили неистовые годы,
Первый холод надо мной повеял...
С милым не успела я проститься,
Как жандармы к нам вломились ночью,
Руки белые твои связали.
Я кукушкой куковала,
Я ночами проливала соленые слезы
О тебе, возлюбленном брате.
Разве ты мне, брат мой, не дорог?
Выйди, Вучур, взгляни на знакомцев!
Если это шпионы, ты успеешь
Дом оставить и в горах укрыться.
Если это честные люди,
Не откажем прохожим в приюте, —
Нам с гостями будет веселее.

ВУЧУР:

Ладно, Илька, я выйду навстречу.
Кем бы ни были эти люди, —
В грязь лицом я не должен ударить.
Дай мне пояс, вышитый шелком,
Голубые мои шаровары,
А еще джамадан пунцовый.
Принеси мне дедовскую саблю;
Эта сабля холодной змеєю
Ляжет вдоль бедра, и не выдаст
Своего хозяина в битве.

Повстречались трое черногорцев:
Павел, Мирко и Вучур-лешкополец,
С полуслова поняли друг друга.

В хижине гостеприимной пахнет
Сладкой можжевелевой смолою
И табачным благовонным дымом.
У огнища курят черногорцы
И беседуют между собою.

ВУЧУР:

Будьте здоровы, пиперы-юнаки,
Будьте здоровы, сыновья народа!
Вы откройте, по какой причине
Ночь пришлось вам провести на Зете,
У могилы бедной черногорки?

ПАВЕЛ:

У какой могилы? Что ты молвишь?
Я не видел никакой могилы.

ВУЧУР:

У могилы утопленницы бедной.
Убежал я из твердыни спужской,

Убежал из каменной темницы,
Где семь суток провел в затворе.
Распилил я оконную решетку,
Из окошка бросился в реку,
На рассвете доплыл до башни,
Что скалою из воды выходит.
Там я вышел на камень, желая
Отдышаться немного, и вижу:
Мимо меня проплывает
Утопленница молодая,
В пестрой шали, в белой одежде.
Расплетенной косою играли
Струи быстрые, и качалась
Купиною белой на волнах
Вида эта, лишенная жизни.
Были скрещены нежные руки
На груди ее бездыханной,
Что кровинка, светился на пальце
Алый камень кольца золотого.
Не хотел я утопленницу бросить
На съедение жадным рыбам,
И ее подхватил я рукою.
Плыл до вечера с нею и вынес
Возле дома на берег.

ПАВЕЛ:

Вучур, Вучур, ведь это Бояна!
Вучур, это моя супруга!
Ранили ее жандармы,
Она утонула в Зете!

ВУЧУР:

Посмотри, вот перстень. Как ярко
Этот красный камень играет!

ПАВЕЛ:

Завещала мне этот перстень

Матушка моя умирая.
Снял его мой прадед когда-то
С пальца убитого сераскира.
А сегодня Бояна возвращает
Обручальный подарок супругу.
Надпись есть на перстне цареградском.

ВУЧУР

(читает надпись):

«Павел».

Ты сказал мне правду, Павел Вдовый.
Отдаю тебе перстень Бояны.
Побратаемся, Павел! Ты, Илька,
Принеси вина из подвала.
Перемешаем в одном стакане
Кровь свою, и кровь винограда
Будет нашему братству порука.

ПАВЕЛ:

Мы с тобою братьями станем,
Станем партизанами-друзьями.
Отведи меня на могилу.

Павел Вдовый плакал на могиле,
Целовал священную землю,
Называл ее своею супругой,
Бояной, лебедью белой.

ПАВЕЛ:

Лебедь белая, верная Бояна!
Ты вдали от мужнего дома
Сном последним почила навеки,
Но тебя отыскал я и принял
Перстень твой обручальный.
Спи спокойно! Я, Павел Вдовый,
Твой супруг, с тобой разлученный,

Крепкой клятвой клянусь на могиле:
Буду мстить за тебя, и страшной
Мечь моя гайдуцкая будет!

Когда уже свечерело,
Возвратился в хижину Павел,
С лешкопольцем Вучуром побратался.
Заструилась дружная беседа
Об отчизне, истерзанной врагами,
О кипучей борьбе партизанской,
О богатстве, погребенном в Зете,
О любви, о верности и мести.

Ночь минует, наступает утро.
Вылетает челнок на стремнину.
Вучур громко поет на веслах.

ВУЧУР:

Остров, остров, черная пустыня!
Крепость, крепость, спужская твердыня!

Знаю, знаю панцырь твой креветный:
В башне я под ним томился пленный.

Бился я о стены головою,
Поникал, раздавленный тобою.

А теперь пришла пора другая,
Мой челнок река несет играя!

Ветер воет, хорошо мне с братом
Гнать лихой челнок по перекатам!

Нам, гайдукам, не страшна темница:
Сердце к воле, как стрела, стремится.

ПАВЕЛ:

Вспомнил, вспомнил! Здесь, под Стражиште,
С визгом падали в воду пули,
Здесь фашисты ранили Бояну,
Здесь мешки утонули!

Прыгнул Вучур в глубокую Зету
И, как щука, поплыл под водою,
Отбывая подводные скалы.
Проходила медленно минута,
Потянулась другая за нею —
Нету Вучура. Павел, тревожась,
Броситься хочет за побратимом.

Отдуваясь, вынырнул Вучур,
Бросил в лодку мешки с деньгами,
И воскликнул Павел, торжествуя:
«Что добыто силами народа,
В должный час возвратится народу!
Отворилась глубокая Зета
Ради доблести черногорской,
Ради вольности, ради мести!»

Нет, недаром народ черногорский
Не жалел последнего имения:
Будут, будут у пиперов-юнаков
Пулеметы лучших заводов,
Будут длинные звонкие сабли,
Будут пушки, грохочущие громом,
Самой крепкой стали кинжалы,
Самой вышей меткости винтовки!

Побратимы поплыли обратно,
К берегу Подгорицы скалистой,
Где белело Илькино платье,
Где звенело ее монисто...

ПЕСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Путь отныне у Вдового Павла
Самой лучшей стали кинжалы,
Самой высшей меткости винтовки.
Собиралось Павлово ято
В знаменитой Стийенской пещере.
Ожидали приказа партизаны,
Чтобы в битву ринуться без страха,
Чтоб словами ярости и мести
Их оружие заговорило.

У костра сидели партизаны:
Павел, Вучур, Мирко и другие;
С ними были жены их и дети.
На костре варила ужин Илька,
И трещали еловые сучья,
Пистолетным выстрелам подобно.
До высокого свода пещеры
Долетали желтые змейки,
Мелкие бесчисленные звезды,
И качались причудливые тени
За широкими спинами гайдуков.

ВУЧУР:

Вам известно ли, братья-партизаны,
Старое сказание о Служе,
О создании крепости высокой,
Черногорской древней твердыни?

Эту песню я слышал в заключенья:
Женский голос откуда-то снизу
Доходил до каменной клетки,
Где томился я, одинокий.
А быть может, мне песня приснилась,
Или камни мне песню напели,
Чтобы стало мне легче в неволе?..
Вы послушайте былинку, гайдуки,
Да послужит она вам забавой;
В старом мехе — вино молодое,
В старом слове — живая правда.

ПЕСНЯ

о создании Спужской крепости:

Диво дивное! Чудное чудо!
Вот какое проклятое место —
Каменистая отмель на Зете!
Крепость каменщики возводят —
Понапрасну тупят зубила,
Понапрасну железные скрепы
Загоняют в гранит доотказа.
Ничего у них не выходит:
Все, что люди построят за день,
Водяницы за ночь разрушат.

Курят каменщики на припеке,
А работать больше не желают.
Да и правда: разве это дело
Состязаться с вилами в упрямыстве?
И заплакал войвод Лиеш Пипер
От обиды непереносимой.
Трое суток плакал войвод с горя,
На четвертые сутки с постели
Встал и вышел из шатра на воздух.
И промолвил войвод Лиеш Пипер
Голосом, охрипшим от рыданий,
Обращаясь к задруге рабочих:
«Ой, вы, каменщики удалые,

Мастера мои и подмастерья!
Вы себе никакого ложа
Ночью нынешней не стелите,
Спать ложитесь на голые камни, —
В сновиденьи может открыться
То, что бодрствующим неизвестно!»
И велел еще каменщикам войвод
На рассвете сны ему поведать.

В полночь горы окрест затрубили,
Утесы обрушились в воду,
Заходила отмель на Зете,
Гром ударил, молния сверкнула.
Услыхали спящие голос:
«Если утром войвод Лиеш Пипер
В крепостной стене замурует
Свою жену дорогую,
Водяницы крепости не тронут
Белыми своими руками...»

Утром каменщики рассказали,
Что приснилось им ночью минувшей.
И тогда ни единой слезинки
Гордый войвод Лиеш не пролил,
Но привел он свою супругу
Молодицу Ёлицу на отмель.
Положила Ёлица на камень
Малых деток Стояна и Стою —
Близнецов своих ненаглядных.

Лиеш только махнул рукою,
Зубы стиснул и отвернулся.
Каменщики страшную работу
Начали, не глядя друг на друга.
Тут младенцы закричали громко,
И сказали каменщики: «В кладке
Мы оставим два малых оконца,
Чтобы выкормила молодица

Близнецов молоком материнским.
И еще оконце оставим,
Чтобы оком любвеобильным
На младенцев Елица глядела».
Каменички так и поступили.
Водяницы больше не мешали
Строить крепость, класть камень на камень.
Возвышается Служ и донине.
Сквозь окошко малое смотрит
Замурованная молодница.

Если мать, у которой в доме
Хлеба нет для детей голодных,
Этих стен обомшелых коснется,
Не откажет Елица в просьбе, —
Будут сыты нищие дети.

Ненавидит воду молодница,
Древле замурованная в камень,
Из-за водяниц она погибла.
И река ей ненавистью платит:
Если Елица глядит на Зету,
Зета волнуется и темнеет.
Пусть тогда рыбаки берегутся,
Держат лодки к берегу поближе. —
В серых волнах вьются водяницы,
Бьются грудью о спужокий камень.

ПАВЕЛ:

Так и ты, мать-родина, смотришь
В мое угрюмое сердце
Черными своими очами.
Кличь юнаков на высокий подвиг,
Кличь, прекрасная! Голос твой слышу,
Лебединый, протяжный возглас, —
Он звучит полночной порою,

На рассвете и на закате,
Белым днем и вечером смутным.
Смотришь, родина, из темницы,
И волнуются перед тобою
Воды дикой вражды и кривды.
Трудно, трудно воину в битве, —
Льется чистая кровь черногорца,
Вражью сталь обагрят...
Но смотри в мое сердце, святая,
Придавая новые силы
Сердцу сыновьему...
Верю, верю, —
Не за горами твоя свобода!

Павел Вдовый вышел из пещеры.
Полночь в небо звезды вбивала,
Свод небесный медленно вращался
Над вершинами кряжей извечных.
И тогда, побеждая пространство,
Над горами, над реками, над Ядром
Сильный голос раздался:
Это мудрый Вуйо Обренович,
Старший пипер, созывал юнаков,
И его призыв, не слабея,
Долетал до края вселенной.

ВУЙО ОБРЕНОВИЧ:

Братья мои славяне, надежда мира,
Русские, сербы, черногорцы,
Украинцы, поляки, чехи,
Белоруссы, боснийцы, хорваты!
Вы должны из глубокого колодца
Полоненное солнце вынуть,
Вы должны из дождливой тучи
Вывести месяц ясный,
Вы должны из кромешной неволи

Вызволить обе зари небесных.
Пусть заблещут Перуновы стрелы!

Нет предела народному гору.
Черный камень кричит о мести,
Горы и воды вас кличут на битву,
Расправляя широкие плечи,
Крепостные древние башни
Бранными трубами запевают.
Вилы и дивы поют о сече.
Вся живая и мертвая природа
Жарко рубиться повелевает.
Чем тяжеле будет наш подвиг,
Тем победа радостней будет.
Время, братья! Вперед, на юриш!
Час настал. Вставайте, славяне!

Возвращается Павел в пещеру.

ПАВЕЛ:

Час настал. Собирайтесь, братья!
Здесь останутся женщины и дети.
Все юнаки пойдут за мною.

ИЛЬКА:

Разреши мне итти за тобою.

ПАВЕЛ:

Оставайся, Илька, в пещере,
Испеки кукурузные лепешки
Да рубашки выстирай юнакам.

ИЛЬКА:

Я прошу тебя! Я заклинаю...
Разреши мне...

ПАВЕЛ:

Останься!

ИЛЬКА:

Павел!

Прикажи мне рядом с тобою
Кинуться в грозную сечу.
Наклонись ко мне. Душа не может
Сохранять эту жгучую тайну.
Сердце бедное больше не в силах
Так томиться. Возьми с собою!
О, возьми меня, Павел, с собою!
Я люблю тебя. Я не смела
Заякнуться об этом раньше...
Что я сделала? Что я сказала?

ПАВЕЛ:

Замолчи. Не надо. Я не отвечу
На твое признание, Илька.
Посмотри на меня. Я не мальчик,
Мне за тридцать, тебе восемнадцать.
И другое имя тревожит
Память мою постоянно,
Хоть его хозяйка в могиле...

ИЛЬКА:

Павел, Павел...

ПАВЕЛ:

Останься. Ты будешь
Лишней в нынешнем деле...

Вышел прочь из пещеры Павел,
А за ним остальные мужчины,
Женщины в пещере остались.

Истомилось Илькино сердце,
Нет покоя рыбачке лешкопольской:
Все-то Илька на дорогу смотрит,
Дождаясь партизан из боя.

Ночь минует — никто не приходит.
Всходит солнце — юнаков нету.
День сгорает, на землю ложатся
Голубые вечерние тени,
Меркнет свод небесный,
Загораются звезды...
Никого на дороге не видно.

Сбирала Илька-лешкополька
Мужних жен и девушек юных,
Страстными словами говорила.

ИЛЬКА:

Ой, душманы отечество пленили!
Все дороги поросли бурьяном
К милым сердцу отеческим селеньям;
Злые кони копытами топчут
Наши пастбища дорогие;
Ой, немецкие танки ломают
Крестатые буки и трепетлику...
Черногорцы стекаются в яты,
Испытуя отцовское оружие,
Бьются насмерть в битвах черавных,
Драгоценную кровь проливая.
Отчего же, подружки и сестры,
Нет у нас ни мечей, ни пистолей?
Отчего мы не можем сражаться
Рядом с мужчинами в чистом поле?
Мы поклонимся матери нашей,
Нашей родине многострадальной.
Нас, быть может, родимая утешит.

Из пещеры вышли черногорки
И склонились к древним гранитам.
И воскликнула Илька нетерпеливо,
К материнской груди припадая.

ИЛЬКА:

Юнакия-матушка, земля сухая,
Не отвергни дочернего моления!
Чую сердцем: ты будешь свободна,
Возвратится крылатая радость:
На востоке небо серебрится,
Предвещая воителям победу.
Но сыны твои лютую гибель
Принимают в неравной сече.
Вороны над ними летают,
Сушит солнце их белые кости.
Благослови на смертную битву!
Дай помочь нашим братьям-юнакам!
Отвори глубокие недра,
Где хранятся древние клады,
Как сестра твоя, светлая Зета,
Для юнаков твоих отворилась.
Выдай оружие предков
Дочерям твоим — юнакиням,
Как сестра твоя, быстрая Зета,
Возвратила народное богатство!
Ты услышь меня, черный камень,
Ты услышь меня, матушка дорогая,
Не отвергни слезного моления!

Так пред матерью Илька взмолилась,
И свершилось великое чудо:
Содрогнулся гранит под ногами,
Из пещеры холодом пахнуло,
Шумным вздохом ночь огласилась.

Отворились недра земные,
Черногорки в пещеру вбежали,
Склеп глубокий увидели в пещере,
По ступеням с факелом смолистым
Друг за дружкой спустились.

Стало больно глазам от блеска.
Там, при зыбком факельном свете,
Засверкали сабли и ханджары;
Полумесяцами золотыми
Ятаганы женщинам показались.
На червленых перьях буздованов
Бабочки света забились,
Побежали колючие искры
По холодным стволам джефердаров.
Над леденицами, словно ресницы,
Радуги легкие затрепетали.
Под землей, где для поздних потомков
Сохранилось оружие предков,
Дали крепкую клятву черногорки
До победы за волю сражаться.

Прозвучала славянская клятва,
Древняя сталь зазвенела в склепе:
Ятаганы вырвались на волю
Из тяжелых кованых ножен,
Джефердары залязгали курками,
Как зубами голодные волки,
Леденицы на каменных плитах,
Словно рыбы на суше, забились.

ИЛЬКА:

Сестры, сестры, свидетельницы чуда,
Нашу клятву родина услышала.
Будем крепко держать ятаганы,
Окаянных рубить супостатов.
Кровь клокочет в жилах, подруги,
Юриш, сестры, вперед — на фашистов!

Подымая над головами
Боевое оружие предков,
Юнакини ринулись в горы,
Где кровавая сеча кипела.

ПЕСНЯ ПЯТАЯ.

стало солнце в черной рубахе,
Лик его был желт и безумен.
Свод небесный от края до края
Сотрясали ревучие громы.
Полетели бурые тучи,
Словно струки с плеч великанов,
Разбиваясь и снова свиваясь,
На лету задевая за камни.

Псом голодным ветер по свету рыскал,
В тесных ущельях кусты вырывал с корнями,
Гнал их через крутые горы,
И кусты, как репья, цеплялись
За лохмотья нищего неба.

А внизу косматые волны
Грудью шли на скалы береговые,
И свинцовые брызги вставали
От земли до самого неба.

Били тревогу в крепости Служской,
Выли трубы, гремели барабаны,
Ржали кони, лязгало железо
О булыжник двора крепостного,
К амбразурам солдаты бежали,
Раздавалась громкая команда.

То не волны шли грудью на камень,

Не свинцовые брызги светились, —
Шли на Служскую крепость партизаны,
И жужжали свинцовые пули.

Треплет ветер изорванное знамя,
А под знаменем Вуйо Обренович
Собирает начальников славных,
Предводителей партизанских.

ВУЙО ОБРЕНОВИЧ:

Дорогие братья черногорцы!
На Ядране буря зашумела,
Пролетела по землям балканским,
Задевая за горные вершины.
Посестрима есть у этой бури:
Ярость храбрых воителей русских,
Чьи деянья да служат примером
Всем, идущим в бой за свободу.

Есть река в Черногории пленной
Шире Зеты и глубже Морачи:
Это кровь матерей и младенцев,
Вопиющая об отмщеньи.

Окружайте Служскую крепость,
Разбивайте кованые ворота,
Не давайте фашистам пощады, —
И да будет месть благословенна!
Юриш, братья! Юриш на фашистов!

Перерезав окрестные дороги,
Обложили крепость партизаны
И пошли всей задругой на юриш,
Как пристало прямым черногорцам.

Так на берет в начале прибоя
Наступают валы океана,

Так восходит яркое утро
Над горами, захлестнутыми ночью,
Так протяжная горная песня
К напряженному горлу подступает.
И пошли на юриш партизаны.
Камни запрыгали перед ними:
Вражьи пули в землю впивались,
Преграждая дорогу наступающим.
С древних стен неприступного Служа,
Не смолкая, били пулеметы,
Автоматы лаяли по-швабски.
Через эти высокие стены,
Словно глина с лопат землекопов,
Полетели тяжелые мины,
И откуда-то из-за Служа
Зарычали фашистские пушки,
Засвистел металл смертоносный,
Разрывая нижние тучи.
Едим дымом подернулся берег.
Водяные столбы на Зете,
Словно тополи, громоздились.
Лопались чугунные снаряды,
Как личинки в горящих поленьях,
И свинец раскаленный брызгал,
Груды юнацкие опалая.

Шли на приступ отважные гайдуки.
А фашисты с башен стрельчатых
Нефть горящую лили, бомбы бросали,
И в бойницах бились их пулеметы,
Как большие виттовой пляской.
Стук и скрежет великой осады
Люди слышали в дальних Карпатах;
Эхо гудело на Пиренеях;
Содрогались Альпийские горы,
И качались оливы Олимпа
На ветру, прилетевшем из Служа.

Пули вражеские разрывали
Джамаданы поборников свободы,
В мускулистых телах утопая,
Словно молнии в ребрах нагорий.

Поле битвы — отрада бесстрашных —
Трупами было усеяно щедро.
Мать-земля принимала, рыдая,
Драгоценную кровь сыновью.

К стенам крепости пробиваясь
Сквозь кишевший металлом воздух,
Бочки с толом и динамитом
Партизаны катили перед собою,
Рыли ямы под стенами Служа
И закладывали фугасы,
И сливались гулкие взрывы
С непрерывным рокотом боя.

Но построен был Служ на совесть:
В стенах проходы не обозначались,
Только сыпались каменные чешуйки.

Много в воздухе было железа,
Низвергаемого на юнаков,
Да еще, звуча нестерпимо,
Самолеты прорезали тучи,
Бомбы взвыли, как тысячи дивов,
Рушась наземь вниз головою,
И воздушные волны разбивали
Скалы, стоявшие тысячелетья.

Крепостные ворота растворились,
Черной пасти дракона подобно,
И оттуда пошли на черногорцев
Свастикой меченные танки.

Танки шли по земле каменной
Друг за другом — было их десять —
Как чудовища дней небывалых.

А навстречу головной машине
Вышел пипер высокий и статный.
Помни славное имя юнака:
Это был Еремия Чокетич
Из Подгорицы благословенной.
Светлый ликом стоял он под небом, —
Этот новый Марко Краевич;
Шесть гранат на поясе висели,
А седьмую держал он в деснице.
Еремия партизанам поклонился:
— Вы прощайте, возлюбленные братья! —
Еремия земле поклонился:
— Ты прощай, дорогая отчина! —
А еще улыбнулся Еремия:
— Ты прощай, моя жизнь молодая! —
Он пошел на лютую гибель,
Лег под вражескую машину,
И земля задрожала от взрыва,
И стальная гусеница на мгновенье
Встала дыбом и рухнула с лязгом.
Партизаны кричали: «Юриш!»
Шли на танки, бросая гранаты,
Под машинами смерть принимали,
Милую родину поминая.

Было в крепости десять танков, —
В крепость только один возвратился,
И закрылись ворота за последним.
Вновь на приступ пошли партизаны,
Но ворваться в Служскую крепость
Не могли они поначалу:
Мало их оставалось в отрядах.
Там, где прежде сотня сражалась,

Десять юнаков стояли насмерть,
И заряды были на исходе.
Обращается Павел Вдовый
К седоусому пилеру Вуйо,
В землю смотрит, брови насушив.

ПАВЕЛ:

Что нам делать, Вуйо Обренович?
Мы не можем одолеть фашистов,
У меня только Мирко остался,
Все другие люди перебиты.
Заколдованы спужские стены,
Не берет их зернистый порох,
Хоть зубами вгрызайся в камень.

ВУЙО ОБРЕНОВИЧ:

Что ж? Грызи этот камень зубами,
Только в крепость нам должно ворваться.
Поведи на последний приступ
Всех, кто может идти за тобою.
Если мало у тебя гайдуков,
Пусть на юриш убитые встанут!

Кликнул Павел Мирко-Недоростка,
И пошли они вдвоем на крепость,
А за ними соседние отряды
Под разрывами бомб поднимались.
Разъярившись, Павел плечами уперся
В крепостной неподатливый камень,
Поглядел исподлобья на Мирко.

ПАВЕЛ:

Помоги мне — ты видишь: мне трудно,
А еще помолись, если можешь,
Чтобы небо нам смерть ниспослало,
Ибо лучше смерть, чем бесславье.
Будь он проклят, Служ окаянный!

Тут услышали Павел и Мирко
Женский голос, звучавший столь чисто
Сквозь гранит вековой,
Что ни хриплый
Рев снарядов, ни бранные крики
Переливов его не глушили.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС

(поет):

Я в стене крепостной истомилась —
Не глядела б на зетскую воду!
Окажите мне, воины, милость,
Возвратите мне, бедной, свободу!
Я в могиле моей истомилась.

Я на волю гляжу из оконца,
Эту зыбь проклиная рябую,
Нет для бедной затворницы солнца,
Обходящего твердь голубую, —
Я гляжу из слепого оконца.

Слезы пленницы горше полыни,
Служский камень они источили.
Изведите меня из твердыни,
Истомилась я в этой могиле!
Слезы пленницы горше полыни...

Павел Вдовый стал бледнее снега,
Чуть слышал голос высокий.
Крикнул Мирко:
— Юнаки, спешите!
Это Елица из заточенья
Указует нам верную дорогу!

ГОЛОСА:

— Кличет войводша Елица на помощь!

— Здесь ломайте стену, юнаки!
— Юриш, братья!

Камень подался,
Щебень посыпался,
И наружу
Из высокой и узкой могилы
Вышла женщина в белом платье,
Простирая бледные руки...

ПЕСНЯ ШЕСТАЯ

то было весенней порою,
Это было еще до осады
Древней крепости Спужской.
Это было на Зете широкой,
У подножья горы Стражиште.

Павел с женой молодою
Обошел разоренные селенья,
Укрываясь в кустах и канавах
От чернорубашечников и швабов.

Повсеместно его и Бояну
Черногорцы встречали с почетом,
Приносили дукаты и левы,
Отдавали последнее именье
Ради вольности милой отчизны.
Всюду Павел был вместе с Бояной,
И, когда она почивала,
Он не спал, казну охраняя,

А когда он сном забывался,
Мешки сторожила Бояна.

И на Зете беда приключилась:
Семь жандармов на берег вышло;
Не успели Павел с Бояной
Переплыть широкую реку,
Как фашистская злобная пуля
С лодки Бояну свалила.

И она плыла без сознания,
То на дно опускаясь речное,
То кружась, как листок, в водовертях,
То качаясь, как белый кораблик
На играющих волнах.
Зацепилось Боянину платье
За корягу около брода.
У лица ее волны катились,
Косами рыбы играли,
Пролетали чайки над Бояной,
Крыльями лица ее касались,
Бабочки весенние сновали
Над ее закрытыми очами, —
Только люди проходили мимо,
Платья белого не замечая.
Шла по берегу девушка Радна,
Увидала белое платье
И на берег вынесла Бояну,
И плечо ей перевязала
Домотканной белой косынкой,
И читала над ней заклинанья,
И виски ей ладонями терла,
Согревала своим дыханьем.

И утопленница очнулась,
Веки слабые приоткрылись,
Поглядели сонные очи

На лицо наклонившейся Радны.
Оживились бледные щеки,
Как лужайки порою весенней,
На щеках появился румянец,
Словно отблеск зари-заряницы.
И подумала Радна:
«Доныне
Только в церкви на старых иконах
Я видала такие лики».

БОЯНА:

Кто ты?

РАДНА:

Бедная черногорка.

БОЯНА:

Как зовут тебя?

РАДНА:

Радна.

БОЯНА:

Скажи мне,
Чьи шаги я слышу? Быть может,
К нам идет гайдук черноусый, —
Два мешка у него за спиной?
Радна, Радна, оклякни гайдука.
Это Павел, мой муж!

РАДНА:

Ты ошиблась, —
Семь жандармов спускаются к Зете.

БОЯНА:

На, возьми этот перстень, беги скорее,
Путь держи в Орлелук. Ты отыщешь

В Орлелуке мельника Пиле
И расскажешь ему, что Бояна
Не погибла, что семь жандармов
Полонили ее.

РАДНА:

О нет, Бояна,
Я спасу тебя!

БОЯНА:

Не успеешь!
Мельник Пиле доподлинно знает,
Где теперь мой супруг ненаглядный.
Обещай мне, добрая Радна,
Что найдешь моего супруга,
Где бы ни был он, хоть под водою,
Что вручишь ему этот перстень.

РАДНА:

Обещаю.

БОЯНА:

Храни тебя, Радна,
От недоли мой перстень обручальный.

И бежала девушка Радна
От семерых жандармов.
В Орлелуке она побывала,
Отыскала мельника Пиле,
Исполняя свое обещанье.
Не сказал ей орлелукский мельник,
Как найти Драгутинича Павла,
А связал ей руки веревкой
И фашистам-мучителям выдал,
Потому что он был предатель,
А Бояна этого не знала...

Радну пленную в черной лодке
В крепость везли по Зете,
Бросилась Радна в быструю воду,
И ее бездыханное тело
Схоронил лешкополец Вучур.

В спужском граните фашисты
Замуровали Бояну,
От нее не добившись ни слова,
В тесном склепе, где давно истлели
Елицы белые кости.

Истомилась Бояна в граните,
Ожидая спасителя-мужа.
Услыхала как-то на рассвете
Крепостные хриплые трубы:
Били в Спуже тревогу.
Залпы винтовочные трещали,
Гулко ухали минометы,
Как турецкие барабаны;
Где-то сталь о сталь ударяла,
Раздавались бранные крики,
Самолеты воздух разрезали,
Выли бомбы, и крепость дрожала.
И Бояна услышала голос,
Проклинавший спужскую твердыню;
А потом стена закачалась,
Камень рассыпался, и Бояна
Из темницы вышла на волю.

ПАВЕЛ:

Сердце мое, Бояна!

БОЯНА:

Павел, муж мой, ты жив, ты не спинул
В темных водах Зеты холодной,

Ты не скошен вражеской пулей,
Ты не тронут осколками снаряда,
Не повешен в застенке палачами, —
Ты в темницу пришел за мною,
Чтобы снова я солнце увидала!
Партизаны, милые братья,
Здесь врывайтесь в Служскую крепость,
За мученья мои отомстите
Кровавым душманам!..

Илькой увлекаемые к Служу,
Юнакини-мстительницы мчались,
Потрясая дедовским оружием,
Оглашая криками Балканы.
По дороге к ним примыкали
Местью одержимые вдовицы,
Примыкали матери казненных,
Дочери убитых примыкали.

И бок о бок с юнаками стали
Юнакини из Илькиного ята.

То не воды, прорвав плотину,
Заполняют иссохшее русло, —
То врываються в Служ партизаны,
Растекаются по коридорам
И стреляют и рубят фашистов.

Из казармы швабы выбегают,
Итальянцев гонят пред собою,
И по-львиному рычаг юнаки,
В штыковую атаку бросаясь.
Колот, давят, горла перегрызают;
Мышцы лопаются от натуги.
Кровь хлещет!
Кости скрипят!
Штыки гнутся!

Стонет раненый, мать призывает,
Рушится с криком убитый наземь,
И мелькают в его глазах открытых
Свод небесный, пламя и сабли.

Мечь святая ведет юнаков,
А пред всеми — Павел Драгутинич.
Грудь его в крови, руки тоже,
Разлетелись рукава джамадана,
Зубы стиснуты, губы приоткрыты,
За пунцовыми рукавами
Соколом ветер горячий вьется.

Партизаны врагов догоняют,
Группы валяются, словно колоды, —
Этот вдоль, тот —наискось разрублен,
Тут один, как петух, обезглавлен,
Все еще бежит, а из горла
Хлещет кровь в дымное небо;
Этот рану зажимает шапкой,
Запрокидывается навзничь...

Вверх по лестнице винтовой вбегают
Одержимый яростью Павел.
Вслед за Павлом жена его мчится.
Их выносит ярость на крышу
Стужской башни, вонзившейся в небо,
Где, прикованный к пулемету,
Шваб стрелял, не жалея патронов,
А другой назначал ему цели.

Пояс вышитый Павел снимает,
Петлю вяжет, и вот на аркане
Пулемет повисает немецкий.
Обезумевший пулеметчик
От него оторваться не может
И летит с пулеметом в бездну,

Продолжая стрелять при паденьи.
И вливаются частые пули
В тучи, в землю и снова в тучи.
А второй — пистолет подымает
И наводит его на Павла.

Но бросается к мужу Бояна,
Закрывает милого грудью,
И вонзается подлая пуля
В сердце ее молодое.
Горе, горе! вонзается пуля
В лебединое, верное сердце!

Опускается на черепицы,
Воздух ловит стынущими губами,
И последние слезы, как жемчуг,
Умирая, роняет Бояна.

БОЯНА:

Отомсти за меня, мой любимый!..

Павел вскрикнул, света не взвидев,
И схватил душмана за горло.

ПАВЕЛ:

Трижды вы убивали Бояну,
Я Бояну оплакивал трижды:
В первый раз на широкой Зете
В день, когда она утонула;
Во второй — на далекой могиле,
И на башне высокой — в третий.
Будь ты проклят, шваб окаянный,
Лучше б мать тебя не рожала!..
Для тебя я найду три смерти —
В отомщенье Бояниной крови.

НЕМЕЦКИЙ ОФИЦЕР:

Ты ошибся, гайдук черногорский, —

Как ты можешь мне гибель измыслить?
Я давно уже мертв, и впервые
Принял я неминуемую гибель
Вместе с этим зеленым мундиром,
И вторую гибель я принял —
Чуть ступил я за вашу границу.
Третью гибель не ты мне назначишь:
Сам я с башни навстречу ей кинусь!

И проклятый шваб изловчился,
Руки Павла разжал и прыгнул
С башни Спужской дьяволу в зубы.
Но владычица-месть не такую
Смерть назначила швабу, —
Не упал он на камень холодный,
А повис высоко над землею,
За железный крюк зацепившись.

Он повис на крюке извиваясь,
И смеялись над ним партизаны,
И смеялись над ним партизанки,
И смеялось небо над швабом,
И окрестные горы смеялись,
Волны Зеты смеялись над швабом.
И взмолился шваб к партизанкам:
— Застрелите меня, застрелите!
Избавьте меня от мучений, —
Застрелите меня, черногорцы!

И не жалость заставила Ильку
Джефердар свой поднять, а презренье.
Павел с башни крикнул:
— Не надо!
Опусти оружие, Илька,
Не позорь наследного джефердара.
А тебе, убийца проклятый,
Третью гибель я назначаю:

Черногорской земле не угодно
Стать приютом презренному праху, —
Погибай меж землею и небом!
Сыть воронья, ты будешь качаться,
Проклиная черное лоно
Породившей тебя гадюки,
И никто тебя трогать не станет,
И никто не избавит от муки!

Павел Вдовый стоял на башне,
Над собой подымая Бояну...
А вокруг простирались долины,
Простирались вокруг нагорья,
Хрящеватые дыбились кряжи,
Зеленели горные катуны,
Снежные вершины горели...

Мать моя, Черногория святая,
Содрогалась от ярости великой,
Отомстить за себя умоляла.

Над Балканами — алой зарею,
Над Россией — алой зарею,
Над вселенной — алой зарею
Мечь пылала в дымящихся тучах.

ОБЪЯСНЕНИЕ НЕПОНЯТЫХ СЛОВ

Буздован — булава.

Була — турчанка.

Вила — добрая фея.

Водяница — фея водяная.

Гушь — верхняя одежда.

Джамадан — куртка.

Джефердар — кремневое ружье.

Душман — враг.

Задруга — содружество, коммуна.

Зета — река в Черногории.

Зета-Рашка — старинное название Черногории.

Катун — горное пастбище.

Коло — хоровод.

Купина — куст.

Лева — монета.

Марко Краевич — герой сербского эпоса.

Морача — река в Черногории.

Опанки — лапти.

Орлелук — местность в Черногории.

Пара — монета.

Пиперы — черногорское племя.

Планина — горный хребет.

Подгорица — город в Черногории.

Посестрима — названная сестра.

Сераскир — турецкий военачальник.

Сербодия — сербский народ.

Спуж — старинная черногорская крепость.

Стражиште — гора в Черногории.

Струка — плащ-плед из домотканного сукна.

Трепетлика — горная осина.

Усташи — профашистская партия в Хорватии.

Халина — верхняя одежда.

Ханджар — кинжал.

Четник — солдат армии предателя Михайловича, сотрудничающего с фашистами.

Юнак — богатырь.

Юриш — ура.

Ядран — Адриатическое море.

Ятаган — кинжал.

Ято — стая, отряд.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Просим дать отзыв о содержании книги и ее оформлении. В отзыве укажите свой адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство просит организовать сбор читательских отзывов на эту книгу.

Весь материал направляйте по адресу: Москва, Новая площадь, д. 6/8, изд-во «Молодая гвардия».

П. 58 с.

Цена 2 руб.